

(Начало в № 37.)

Складывая как-то по осени в поленницу дрова, Мария нашла сумку Алексея, с которой он закончил семилетку. Хотела отбросить в сторону, но рывком поднять не смогла. Открыв, охнула и опустилась на колени. Внутри лежали две гранаты. Только сейчас она отчетливо поняла, почему сын так поздно приходит домой, что за люди у них ночуют. Когда Борис появился на пороге, Мария со слезами набросилась на сына:

— Ты хотя бы мать пожалел. Неужели я тебя растила, чтобы потерять? Ты видишь, что вокруг творится. Убивают за просто так. А если тебя... Я не переживу.

Она плакала, закрываясь платком. Боря, отвернувшись к окну, хмурил брови и молчал. Затем тихо, но твердо сказал:

— Иначе, мама, не могу. Я должен отомстить за дядю Ваню, Юру Чикина, Лену Васильеву.

Немного успокоившись, Мария села возле сына и, прижав к груди его давно не стриженную голову, спросила:

— А председателя сняли и часового убили — это твоих рук дело?

— Нет, мама, наших.

Зима в первый год войны была снежной и морозной. Сугробы наметало под самые крыши. В конце декабря в дом Железновых явился полицай. До войны работал колхозным сторожем, жил на отшибе, за скотным двором. Фамилии его никто по настоящему не знал и звали просто — Харитон. Перед войной исчез. Вскоре обнаружился большой падеж скота. Вновь объявился в августе и сразу был назначен немцами полицаем.

Нетвердым шагом полицай прошел в передний угол, опустился на лавку. Навалившись на стол, медленно обвел пьяными глазами комнату и, остановившись на Марии, рявкнул:

— Где твой ублюдок? Жиню сюда! Завтра он повезет в Устюгово немецкого офицера. Герр майор Фацман хочет прокатиться на русской тройке с бубенцами. Если хоть один волос упадет с его головы — своими руками задавлю. Из-под земли достану. Так и передай.

Мария всплеснула руками, запричитала:

— Дитё еще. Несмышленный. Что случись в дороге, виноватым будет.

Харитон стукнул по столу кулаком:

— Молчать, дура! Все

они несмышленные. Знаю я их. Поезда под откос сбрасывать, солдат убивать — все смысленные! Доберусь я до них. С корнем вырву красную заразу. Вот этими руками уничтожать стану. Эх, только зацепиться! Я бы распутал клубок.

Харитон вытянул из шинели костлявые пальцы и, сжав до хруста, тихо захихикал. Его мелко трясло от избытка мести и бессильной злобы. Подавись вперед, совсем тихо сказал.

дежурный офицер. Увидев майора, стоявшего у печи, не решился первым нарушить тишину.

— Хотите доложить, лейтенант, что в соседней деревне русские танки, — пошутил Вилли, пытаясь придать своему голосу веселый тон. Этого не получилось.

Никак нет, герр майор! — не поняв шутки, начал дежурный. — Звонили из Устюгово. Вас вызывает полковник Штемберг. «Наверное, дошла очередь и до меня».

А. Вайкутис

ТЫ ВЕРНУЛСЯ, СЫНОК...

Рассказ

— Чую, что в твой дом по ночам лесные черти наведываются, а с рассветом исчезают, как привидения.

От этих слов в груди Марии похолодело. Только бы не начал обыск и не полез в подпол. Там, затаив дыхание, с автоматом на коленях, сидел раненый в грудь радист, переправленный из леса.

Узнав, что утром нужно везти офицера, Борис потер озябшие на морозе уши и, тряхнув чубом, твердо сказал:

— Поеду.

МАЙОР Фацман стоял у замерзшего окна и зябко кутался в шубу. Он никак не мог согреться. Даже шинель не помогал. Все летело к черту. Зимнее наступление на Москву провалилось, не думал сдаваться Ленинград. А как все великолепно начиналось! Не слезая с машин, проехали всю Европу. Думали, что так будет и в России. А тут морозы, партизаны, листовки. Кошмарная страна! Все это чужое, неприютливое и ничего хорошего не сулящее, кроме смерти.

Стуча одеревеневшими от холода сапогами, с охалкой дров протиснулся Ганс. Долго возился у печи, пока не появилось пламя. Запахло смолой, потянуло теплом. «И зачем ты сюда пришел, Вилли?». В сотый раз задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Вошел

Фацман мысленно обругал Штемберга, вспомнив сухопарого командира дивизии. Ему не хотелось завтра тащиться по русскому морозу целых двенадцать верст.

Он не мог знать, что это будут его последние километры в жизни.

ДОЛГО ждала Мария сына. Ночью сидела у остывающей печи. При стуке вздрагивала и замирала, ожидая, что стук повторится. Тихо выходила в сени и, прильнув к двери, вслушивалась в ночь. На дворе лютвала вьюга, да за селом были голодные волки.

В тревожных ожиданиях проходила зима. Ночью в дом Железновых из леса приносили листовки. Мария прятала их в сарае, а утром передавала тем, кто распространял в ближайших селах. Листовки появлялись на заборах солдатских казарм. Их скобливали, но на другое утро они белели вновь. Полиция сбивалась с ног, разыскивая распространителей. Устраивали засады и в доме Марии, но она условным знаком успевала предупредить связных из леса.

На фронте немцы отступали. За рекой рыли окопы, устанавливали пушки. Фашисты готовились к обороне. Марии передавали, чтобы уходила в лес. Деревню будут бомбить самолеты. Уйти она не успела. Ночью над селом повисло море огней из

ракет. Солдаты выскакивали из казарм и стреляли в своих же, сплосонья принимая их за бегущих партизан. Канонада фронта приближалась. Передовые части появились неожиданно. Днем через деревню поспешно отступали немцы, а утром прогрохотали наши танки.

Мария ходила между солдатами и спрашивала о Борисе, сыновьях пограничниках. Красноармейцы пожимали плечами и, как могли, успокаивали убившую горем мать. Не узнав ничего о младшем, закрыла окна ставнями и, подперев дверь, ушла в сторону Устюгово. Заходила в каждую деревню, что стояли сторежками на ее пути. Редкие жители ничего определенного сказать не могли. Так она и дошла до Устюгово. Еще вчера здесь были немцы. Дымились головешки сожженных изб. Постучавшись в крайнюю избу с выбитыми окнами и снесенной снарядом трубой, рассказала о своем горе.

— Ох, родимая, — запричитала хозяйка. — И что эта война понаделала! Весь белый свет замутила, все разрушила в пепел. А про сына твоего не слыхала. Лютовали фашисты незадолго до бегства. Офицера ихнего убили. Говорили, паренек вез, а партизаны напали. Охрану перестреляли и в лес. Что стало с мальчонкой, не знаю. Может, и твой. Жди. Даст Бог, объявится.

С тем и вернулась домой.

Все дальше на запад откатывалась война. Не было минуты, чтобы Мария не думала о детях. Живы ли они, здоровы ли? Весточек от сыновей не было.

Радость пришла неожиданно-негаданно. Мария стояла у сельмага и ожидала своей очереди. Расталкивая народ, подбежала соседка Глаша.

— Что ты тут стоишь. Сына иди встречай. Вернулся твой Борис!

Пощатнулась Мария, выронила от неожиданности сумку. Побежала, откуда только силы взялись. На крыльце, сбросив шинель, сидел ее младший. Совсем стал взрослым, с медалями на груди. Заплакала, не удержалась, упала к ногам, обняла их, целуя солдатские сапоги. Борис бережно поднимать и, обняв за худые плечи, уткнулся в седые волосы.

— Не надо, мама. Я ведь вернулся.

— Да я, сынок, от счастья плачу. Дождалась!

Ворх. Чабуда,